

Е.Ф. Нечаева

ОТ ВЕКА ПОЛИГЛОТОВ К ВЕКУ ОСОЗНАННОГО ПОЛИЛИНГВИЗМА
(к вопросу о взаимосвязи языковой структуры и национального характера)

«Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин», — кто только и каким только образом не перефразировал в последнее время эти знаменитые слова из стихотворения В.В. Маяковского «Нашему юношеству». Однако вопрос стимула, мотивации изучения иностранного языка остается одним из самых актуальных вопросов лингводидактики.

В настоящее время развивается новый подход к преподаванию языков, обозначающий сдвиг интереса в сторону лингвокультурологического знания. Как отмечает С.В. Сомова,

«... акцент на развитие умений и формирование навыков использования иностранного языка в разных видах речевой деятельности в рамках коммуникативного подхода сменяется в сторону повышенного внимания к языку как части культуры, что приводит к возникновению социокультурной или межкультурной парадигмы, в контексте которой обучение иностранному языку рассматривается как диалог двух культур в общем формате межкультурной коммуникации» [11: 9–10].

Вопросы взаимосвязи языка и культуры с древности находились в центре внимания философов. Положение В. Гумбольдта о языке как о «духе народа», его знаменитое высказывание о том, что «каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг» [3: 8], одна из базовых концепций современного сравнительно-исторического языкознания. Идея о взаимодействии языковой структуры и национального характера легла в основу гипотезы лингвистической относительности Сепира [10] – Уорфа [13]. В последние десятилетия наиболее яркое воплощение эта тема получила в «Грамматической семантике» А. Вежбицкой [2] и в «Метаграмматическом трактате» В.П. Литвинова [9].

Изучение иностранного языка и погружение в него сопровождается изменением картины мира личности, ее сознания, поскольку «закладывание и развитие апперцепционной базы на втором языке невозможно без учета формируемого одновременно с нею второго языкового сознания» [14: 36]. Язык, его грамматический строй, лексика и фразеология, представляет собой некий код, определяющий своей структурой особенности языкового сознания. Поэтапный анализ ключевых структур, отражающих суть языкового сознания, выявление и четкое доказательство его закономерностей на основании подробного описания всех лексико-грамматических и фразеологических тонкостей языка представляется нам одним из самых перспективных и интересных направлений современной науки о языке. Лингвист путем выявления грамматических тонкостей констатирует и доказывает языковыми факторами наличие или отсутствие тех

или иных черт национального характера в языке. Сопоставительные исследования в этой области наиболее интересны, поскольку уловить разницу, прочувствовать ее возможно только при сопоставлении одного языка с другим. При этом иногда носителю языка сложнее анализировать языковые структуры и проникать в сущность своего языка, чем иностранному исследователю. Для этого необходим так называемый «выход из языкового сознания» носителя языка.

Поэтапный анализ всех ключевых структур – гигантская работа ни на одно десятилетие, но можно предположить, что, учитывая современные технологические возможности, в будущем все данные психолингвистических, лингвокультурологических и когнитивных исследований смогут быть суммированы, и, путем обработки собранных данных, человечество сможет подойти к выявлению «кода» каждого языка и каждого языкового сознания. Культурологи видят сегодня задачу своей науки в следующем:

«... построить “генетику” культуры, которая бы не только объясняла историко-культурный процесс в мировом и национальном масштабах, но могла бы прогнозировать этот процесс. Поставленная задача предполагает решение по меньшей мере следующих фундаментальных проблем: (1) Открытие “гена” и “генетического кода” культурных феноменов, т.е. базисных структур, которые ответственны за сохранение и передачу социального, человеческого опыта. (2) Изучение факторов, оказывающих расшатывающее, мутационное воздействие на “гены” культурно-исторических образований, перестраивающих их “код”. (3) Изучение последствий таких мутаций – это и есть реальная, раскрываемая теперь в своей сущности, история очеловечивания мира» [7: 13].

Такое понимание предмета и задач культурологических исследований требует вовлечения и научный оборот обширного, разностороннего материала из многих областей и сфер социального творчества (науки, политической деятельности, религии, искусства), но главным полем исследования в этой области знания должны стать образ мысли, жизни и деятельности этнических групп, народов как субъектов истории. В связи с этим перво-степенное значение будут иметь исследования, позволяющие выявить фундаментальные принципы того или иного языкового сознания. Однако в современных англоязычных и франкоязычных исследованиях не встречается термин «языковое сознание». Вопрос взаимосвязи языковой структуры и национального характера западными учеными воспринимается неоднозначно. Рассмотрим некоторые высказывания французских исследователей по этому поводу. С. Вейар, анализируя русские пословицы, говорит, что «лингвистическая модель полностью определяет модель моральную (du modele linguistique au modele moral)» [18: 85].

М. Жиро-Вебер, проводя сопоставительный анализ временных конструкций русского и французского языков, констатирует:

«... система времен русского языка менее структурирована, чем во французском языке, русские люди не очень дорожат временем, относятся к нему расточи-

тельно, как будто располагают им безгранично. Они порой слишком терпеливы и снисходительны к тем, кто отнимает у них время, заставляет ждать и тратить время впустую...» [16: 27].

Р. Руде резко критикует попытку лингвистов связать особенности той или иной грамматической формы с национальным характером, называя подобный подход «типично русским» (*typiquement russe*) [17: 22–24]. Р. Руде в статье о сравнительном анализе лексем «счастье» и «*bonheur*» в русском и французском языках пишет: «хотел бы остановиться на одной из актуальнейших на сегодняшний день тенденций русской лингвистики – попытке установить связь между факторами языка и национальной ментальностью» [Op. cit.: 22]. Характеристика русского национального характера, данная А. Вежбицкой, приводит Р. Руде в состояние полного недоумения. Он критикует А. Вежбицкую за то, что она на основании анализа неагентивных конструкций дает «ужасающую» характеристику русским: «неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности» [Op. cit.: 22–23].

Эта статья и высказанное Р. Руде критическое отношение к «подобного рода типично русским демаршам» [Op. cit.: 26] представляет, по нашему мнению, огромный интерес. Прежде всего, потому что Р. Руде невольно для себя оправдывает справедливость данного подхода. Называя характеристику черт русского национального характера, представленную А. Вежбицкой, «ужасающей», Р. Руде непроизвольно демонстрирует, что он является носителем французского языка, представителем французского языкового сознания, в основе которого лежит личностное начало, восприятие мира через себя. Кроме того, мнение Р. Руде, что этот подход «типично русский», весьма лестно для отечественной науки. Однако, на наш взгляд, следует согласиться с французским исследователем в том, что напрямую связывать структуру языка и национальный менталитет неправомерно и опасно. Полагаем, в лингвистических исследованиях, посвященных взаимосвязи языковой структуры и национального характера, следует более четко разграничивать понятия «языковое сознание» и «национальный менталитет».

В чем же принципиальная разница между языковым сознанием и национальным менталитетом? На наш взгляд, именно языковое сознание определяет способ мышления индивида, о котором он не подозревает, а воспринимает, как данность. Языковое сознание мало подвержено изменениям, оно более статично. Языковое сознание влияет на национальный менталитет, однако менталитет – понятие гораздо более широкое. На его формирование оказывают влияние (помимо языковых) генетические, исторические, географические, политические и другие факторы. Национальный менталитет подвержен медленному изменению. Национальный менталитет

представляет собой предмет изучения этнопсихологии. Ряд отечественных этнопсихологов, таких как Т.Г. Стефаненко, И.Г. Дубов, В.Г. Красько, В.С. Кукушкин и другие считают национальный менталитет важнейшим компонентом национальной психики. В.Г. Красько определяет национальный менталитет как «важнейший компонент психического склада нации» [6: 1]. Под психическим складом нации понимается «неповторимое в своей индивидуальности сочетание свойств каждой конкретной нации, образующее устойчивое единство, и отражающее то общее, что есть у этнической общности. Национальный менталитет находится в тесном переплетении с национальным темпераментом, национальными стереотипами, интересами, национальным самосознанием, традициями и обычаями» [Op. cit.: 3]. Этнопсихологи особо подчеркивают, что индивид, принадлежащий к той или иной нации, не обязательно несет в себе все черты национального менталитета. «Этнопсихология занимается не индивидами, а средними характеристиками, выявляя наиболее характерные черты усредненного характера» [Op. cit.: 4]. В этом, как нам представляется, и есть принципиальная разница между национальным менталитетом и языковым сознанием. Языковое сознание свойственно всем носителям языка, независимо от того, осознает ли говорящий его особенности или нет. С нашей точки зрения, в лингвокультурологических исследованиях нужно говорить именно о связи языковой структуры с языковым сознанием, а не с национальным менталитетом.

В отечественной лингвистической литературе на сегодняшний день существует множество различных определений языкового сознания. Словарь лингвистических терминов О.С. Ахмановой дает следующее определение: языковое сознание – это «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах языка» [1: 18]. Т.Г. Ангелова трактует языковое сознание как «некоторое хранилище фоновых знаний в виде фреймов или психических схем» [15: 10]. Е.Ф. Тарасов понимает языковое сознание как «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей» [15: 3]. С.В. Сомова считает, что наиболее верное определение языкового сознания дано П.Я. Гальпериним и О.Я. Кабановой: «языковое сознание – это закрепленный в грамматических значениях специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящем на данном языке» [11: 18].

Мы разделяем точку зрения, что грамматический строй языка представляет собой основу языкового сознания носителя. Например, выражение намерения что-либо сделать по формуле: *I am going to do* или *Je vais faire qch* (идти делать что-либо) в английском и французском языках представляет собой принципиально другое намерение, чем в русском языке, выражаемое формулой: *собираться* (т.е. *собирать себя*) *что-либо сделать*. В психологии есть понятие «чистого намерения». В английском и француз-

ском языке чистое намерение существует на уровне грамматического строя. В.П. Литвинов отмечает, что «лингвистика как научное знание о языке могла вырасти только из грамматики, поскольку грамматика – тот единственный язык, на котором можно было говорить про язык» [9: 2] Грамматика представляет собой «скелет», на котором держится весь язык. Именно грамматика определяет тип языкового сознания и образ мысли носителя языка. Кроме того, лингвистический анализ грамматических категорий более объективен, чем, к примеру, интерпретация фразеологизмов. Исследователь исходит от четкой грамматической формы. Например, во французском языке ощущения выражаются, как правило, при помощи глагола «avoir»:

avoir chaud – жарко: *J'avais très chaud* au temps (Camus); avoir froid – холодно: *Madelaine avait froid*, elle voulait rentrer (Troyat); avoir tort – ошибаться, быть неправым: *Mais tu as tort*, Françoise (Troyat); avoir raison – быть правым: *Je pensais qu'elle avait raison*, que je vivais comme un animal (Sagan); avoir besoin – нуждаться в чем-либо: *J'ai toujours besoin* que qn m'attende quelque part (Gavaldà); *Il avait raison*, c'était n'importe quoi (Gavaldà); avoir sommeil – хотеть спать: *J'avais sommeil*, mais j'avais de la peine à me lever (Camus); avoir honte – испытывать стыд, стыдиться: *J'en ai presque honte* (Sagan); avoir peur – испытывать страх.

На основании анализа подобных конструкций можно сделать вывод о том, что в современном французском языке одним из самых распространенных, а в некоторых случаях и единственным способом передачи ощущений, некоторых эмоций (стыд, страх) является использование посессивной конструкции, т.е. предельное понятие «обладание» практически сливается с предельным понятием «ощущение». Все ощущения представляют собой «объект обладания» для французского языкового сознания.

Французский язык не допускает, чтобы восприятия и чувства вызывались какой-то причиной, находящейся вне говорящего субъекта, все пропускается «через себя» и становится объектом обладания. Посессивная конструкция с глаголом *avoir* охватывает все макрополе экзистенции и является наиболее распространенным способом выражения отношений качества, бытийности и локативности, тем самым утверждая неразделенность «бытия» и «обладания» для французского языкового сознания.

Однако грамматический строй языка является источником для выявления особенностей языкового сознания наравне с лексикой и фразеологией. Действительно, если, к примеру, ребенок с детства привыкает называть мачеху или свекровь «*belle – mère*» (красивая мама), хотя очевидно, что любая родная мама более красива, то не стоит упрекать французов в лицемерии. Элемент лицемерия заложен во французском языковом сознании. Но, повторимся, лингвист не должен давать оценок, поскольку оценивать он может только исходя из собственного языкового сознания. Работа лингвиста – констатировать и объяснять наличие того или иного факта в языке. В связи со сказанным выше можно добавить лексический аспект в опреде-

ление, данное П.Я. Гальпериним и О.Я. Кабановой: языковое сознание – это закрепленный в лексико-грамматическом строе специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящем на данном языке. В таком виде, на наш взгляд, это определение в полной мере отражает сущность того понятия, которое мы называем языковым сознанием.

Итак, между понятиями «языковое сознание» и «национальный менталитет» – принципиальная разница. Индивид всегда несет в себе элементы языкового сознания носителя языка, но не обязательно черты национального менталитета. Здесь следует обратиться к понятиям «индивидуальная картина мира», «индивидуальное знание» и концепции слова как «средства доступа к единой информационной базе человека», которая на протяжении десятилетий разрабатывалась и подробно описывалась в трудах А.А. Залевской [4: 51].

За счет овладения иностранным языком индивид может отойти от национального менталитета, однако языковое сознание носителя сохранится. Меняется индивидуальная картина мира личности. Закладывается и развивается апперцепционная база на втором языке а, следовательно, формируется второе языковое сознание.

XXI век провозглашен ЮНЕСКО веком полиглотов. Можно предположить, что следующий век будет веком «осознанного» полилингвизма, когда человек будет изучать язык, зная его ментальный код и желая изменить собственную жизнь, индивидуальную картину мира путем изучения выбранного иностранного языка. Например, человек будет знать, что, научиться получать удовольствие от жизни можно, выучив французский; чтобы научиться смотреть на все философски, нужно выучить китайский и т.д. Главным стимулом для изучения иностранного языка всегда была возможность самосовершенствования, а с развитием лингвистической мысли это станет возможностью изменить и собственный строй мысли в нужном направлении. Сегодня как никогда актуально звучат замечательные слова А.А. Леонтьева «язык – есть путеводитель по миру по дороге к себе» [8: 282]. Возвращаясь к знаменитой цитате из стихотворения В.В. Маяковского, заметим, что гениальный русский поэт прекрасно выразил идею важности мотивации к изучению иностранного языка. Остается только предполагать, с какими советами обратился бы В.В. Маяковский к «нашему юношеству», если бы он жил в наше время и знал о достижениях сегодняшней лингвокультурологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 775 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 450 с.

4. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: Монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992 – 136 с.
5. Кабанова О.Я. Языковое сознание как основа формирования речи на иностранном языке // Управление познавательной деятельностью учащихся / Под ред. П.Я. Гальперина, Н.Ф. Талызиной. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972. – С.109–133.
6. Красько В.Г. Национальный менталитет и психология нации. www.mental.rusmissia.ru
7. Культурология: Учеб. пособие / Под ред. Г.В. Драча. – М.: Альфа – М, 2009. – 413 с.
8. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – 4-е изд., испр. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2005. – 288 с.
9. Литвинов В.П. Метаграмматический трактат. – Пятигорск: Пятиг. гос. лингв. ун-т, 1998. – 215 с.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
11. Сомова С.В. Диалог культур как основа адаптации зарубежных учебных курсов английского языка к потребностям обучающихся: Монография. – Рязань: Ряз. гос.ун-т им. С.А. Есенина, 2008. – 108 с.
12. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. – М.: Наука, 1987. – 166 с.
13. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях / Под ред. В.А. Звегенцева. – М., 1965. – Ч.2. – С.198–224.
14. Халева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков): Монография. – М.: Высшая школа, 1989. – 238 с.
15. Языковое сознание: содержание и функционирование: Тез. докл. XIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (1–3 июня 2000 г., Москва). – М., 2000. – 288 с.
16. Guiraud-Weber, M. Le langage et la duree. La revue Russe. Paris, 2001.
17. Roudet, R. Le Bonheur linguistique: analyse comparee des lexemes scast'e et bonheur / R. Roudet – Le Bonheur dans la modernite // Modernites russes 5. – Centre d'Etudes slaves Andre Lirondele. – Universite Jean-Moulin. – Lyon. – P.20–29.
18. Veillard, S. Un bonheur proverbial: a notre tour de rire / S. Veillard . – Le Bonheur dans la modernite // Modernites russes 5. – Centre d'Etudes slaves Andre Lirondele. – Universite Jean-Moulin. – Lyon. – P.83–101.

В.А. Садикова

МИФ, МНЕНИЕ, КОНЦЕПТ И ТОПИКА

Традиционно мнение и сегодня часто противопоставляется знанию. Однако уже в XIX веке находились ученые, которые справедливо полагали, что «из мнения может и должно развиться знание посредством исследования основы, причины и показания его необходимости, подобно тому, как